

Вырезка из газеты

ТАГАНРОГСКАЯ
ПРАВДА

28 ИЮНЬ 1977

г. Таганрог

„КУРСКИЙ областной драматический театр открыл в нашем городе гастроль спектаклем «Пушкин в Одессе», можно поздравить с отличным стартом. Эмоциональный, поэтический, остроумный спектакль горячо принят таганрожцами, по достоинству оцененным страстную работу театра.

Можно слово в слово повторить эту оценку, данную нашей газетой шесть лет назад, в такие же летние дни знакомства с коллективом Курского театра, — так хорошо и сегодня спектакль «Пушкин в Одессе» с В. Юркиным в главной роли.

По жизнь идет вперед все быстрее, индланга перед искусством, в том числе театральным, новые общественные проблемы, злободневные конкретные задачи. Закономерно поэтому и обновление репертуара наших гостей: только спектакль «Пушкин в Одессе» знаком нам по прошлым гастролем.

Примечательно и достойно одобрения то, что это обновление идет в основном за счет произведений современной советской драматургии, что главное место на сцене отдают нашим современникам — героям комедии А. Макаенка «Таблетку под язык», пьесы Э. Володарского «Самая счастливая», комедии Э. Брагинского и Э. Рязанова «Притворщица», инсценировка Е. Ставицкого «Час пик», хотя и классика представляется комедии «Бешеные деньги» А. Н. Островского.

Даже оглядываясь в историческую даль, театр по непреложному закону искусства движется вперед, продвигая вперед его заботами, радостями, тревогами. И тогда, например, грустная повесть о том, и чему привела иранскую дворнику погоня за богатством, может ли, сохранив ли — все равно, лишь бы осыпал золотым дождем! — становится обвинением сегодняшнему капитализму с его девизом «каждому по заслугам», вплоть до нравственных ценностей — любви, семейного счастья...

Сила Курского театра в том, что, идя в бой за торжество коммунистической морали, за утверждение в нашей жизни ее высоких гуманистических идеалов, он берет в союзники все лучшее в классическом наследии и наиболее актуальное, рождающееся в советской драматургии, в ее творческих поисках героев и нравственных истин нашего времени. В этом удачливости — гармоничности репертуара театра, формируемого общими надынными стремлениями коллектива. В этом и объяснение его жанрового разнообразия — от трагедии до водевиля, позволяющего раскрыть в полной мере творческий диапазон режиссера, художника и актера.

Формируя жизненную пози-

цию зрителя — активного строителя коммунистического общества, театр утверждает: личные отношения людей — далеко не только их личное дело, и даже такое интимное, воспоминания как «вечное» чувство любви — всегда грань общественных отношений, выражение характера героя, мировоззрения, чувства, неизбежно окрашенное социалью. Оно несет с собой или счастье, великую радость, открывающую человека на творчество, на вдохновение, в труде, в жизни.

В спектакле «Бешеные деньги» (режиссер — заслуженный деятель искусств Башкирской АССР С. Крутой) театр встал за А. Н. Островским горячо восстает против опаснейшего порока буржуазного общества, который оно пытается заразить молодежь, в том числе

на. С другой, однако, — обещает захватить главных героев, лишая их психологизма, борьбы противоречивых чувств, что и социальню, снижает эмоциональное воздействие на зрителей.

Этого недостатка лишен спектакль «Орфей спускается в ад», в котором американский драматург Теннис Уильямс, а вслед за ним режиссер А. Коробини вместе с художником К. Кулибиным властно переносят нас на дворянскую Москву времени Островского и другой, куда более страшный мир, на который взирал с содроганием.

Драма, разыгранная сорок лет назад в провинциальном городке расистского Юга США, увиденна сегодняшними глазами и потому обрела обобщающе символический характер, в особенности в художественном

В. Дощечки) из обязательной гордона.

Волнует эпизод, когда Кэррол Катрив, своим отчаянным экзистенциализмом пытающаяся пробудить хоть какой-то интерес к себе, хоть какие-то человеческие чувства, подбегает к к Долли Хэмма (Н. Глишкова), то к Бьюле Биннингге (Л. Башкевич), как бы поднося к их замороченным глазам свое бешеное сердце, — напрасно! Те остаются недвижимыми и бесчувственными, как ополненные мажорские магазинчики Торренсов, у подножия которых восседают.

Человек не может жить с мажорскими, человек не может жить рядом с холодными трупами, но ведь человек не должен «слабеться» — вскрикивает Лейди Торренс. С. Калганова яркими красками живописует вострый — пусть трагически одинокий — протест своей героини, неукротимый порыв и другой,

дям в самих Сосуденных Шагах.

И какой же иной, светлый мир бескорыстного, вдохновенного творчества предстает перед нами в спектакле «Притворщица» Эдвард Рязанов — художник своеобразного — реального дарования, в чужих фильмах, любовных нами, веселое и грустное неразлучны. Помните хотя бы «Берегись автомобиля!» или «Ирония судьбы, или с легким паром!». Такова же атмосфера, в которой живут эти, в чем-то чудачливые актеры студии дубляжа фильмов Василия Турин (Д. Голубченко), Раиса Павлюнова (Л. Орлова), Алла (Е. Бойко) и режиссер Тимотиоров (Г. Наточий), «автор русского текста» Балакина (Т. Роджественская), шофер Виталий (Г. Стасенко).

Не все их мечты сбываются в конце пьесы, как и бывает в жизни, но как ярко раскрываются в этих людях все, что возвышает советского человека, свободного от власти вещей, от погони за ними, когда этот маленький, но такой дружный в сущности коллектив сталкивается со Светланой, ассистентом режиссера (С. Калганова) и Усачевым (А. Чернышев).

Светлана и Усачев лишь физически находятся здесь, на студии, где вместо привычных дверей и стен художник спланировал Л. Андреев воздлан бесконечные рамы с перфорацией — символы кинокадров и развлек над ними огромные блестящие киноленты. Их мысли сошлись на приобитых, возможно, больше человечества «шикарных» заграничных вещей, и потому метания Светлана между былыми и вновь востраченным мужем, Туриным (его обаяние мягко передает Д. Голубченко) и выходящим себе Усачевым — мнимые, что и отрицается со всей беспощадностью в финале.

Богатыми нищими назвал таких стяжателей и эгоистов поэт Леонид Мартынов. Нищим духом позорно убегают Светлана и Усачев со сцены, чувствуя свое духовное убожество рядом с миром творчества, в котором истинно счастливы Василий Турин и его товарищи по искусству. И, конечно, в труппе аплодисментов зала звучат победный аккорд бессмертные слова: «Да здравствуют музы, да кроется тьма!» — начертанные светлым гением, чье имя по праву носит Курский драматический театр.

Через несколько дней завершится выступление наших гостей на чеховской сцене. Мы желаем талантливому коллективу встретить великий праздник советского народа; нашей куль, туре спектакля, достойными 60-летия Октября. Мы верим в новые встречи на чеховской земле.

Г. АНДРИАНОВ,
Б. МЕЛОВСКОЙ.

ЕДИНИЦВО ВЫСОКОЙ ЦЕЛИ

социалистического мира — безудержного потребности творчества, гонящего на путь нишнего корыстолюбия, холодного расчета.

Эту школу юная Лидия Чебоксарова (Л. Маякина) проходит у всех без исключения окружающих: и у дряхлеющего старостобойа из породы «мишских жеребчиков» Кучумова (заслуженный артист РСФСР Е. Пашков), и у беззаботной, безоглядно жинущего в долг Телятева (В. Стонин), и у своей мамочки, Надежды Антоновой (Е. Бортко), спешащей поскорее пролечь красную дорожку тому, кто больше даст, отбросив понятие о дворянской чести да и о чести вообще.

Эту школу Лидия проходит в полном объеме и у своего жениха, а потом хозяйна — мужа Василькова, в образе которого Ю. Корчагин раскрывает целеустремленность, делала, пожалуй, и не имевшего с самого начала иллюзий в отношении того, любил ли его Лидия.

Трантуй пьесу как сатиру, в которой немого и не за что настоящего жалеть, режиссер спускает в ее ткань многое, что говорит о хороших, человечески ценных задатках в Василькове и Лидии. С одной стороны, это подчеркивает сарказм драматурга, убивает темп сценического действия до водовального, особенно в последнем акте, что подчеркивается легкомысленно — галопирующим мотивчиком (музыкальное оформление И. Сани-

формлении спектакля. Сначала оно подавляет своей мрачностью, но по мере того как раскручивается гугая иржнина сюжета, почти физически ощущаешь, как кошмарные, казавшие бы, видения художника, навеянные пьесой, висюдают на сцену но всей своей ужасающей реальности: и белые балахоны кукулеклановцев с черными прорезями на месте рта и глаз, и шутовский коляк с бубенчиками, искаженные безудержной мучкой одиночества вихри человеческих тел, несущиеся в багровую высь.

И все это воплощается в облике и судьбах героев пьесы — от романтически прекрасной Лейди (С. Калганова) до омерзительных в своем расистском садизме магазинщика Джейба Торренса (К. Некрасов) и шриффа Толбота (А. Чернышев) — с той силой Негодования и пронизательностью, которые даст театру исторический опыт, показывающий ныне всему миру, до какого морального разложения дошел сегодняшний пресловутый, американский образ жизни.

С суровым реализмом воссоздает театр зрительную ненависть столбов этого образа жизни и неграи и всем чувствительным, не полноконкримсям Доллару, тантам, как Лейди Торренс, бродачий певец Вал Ксавье (В. Шитовалов) и Кэррол Катрив (Л. Орлова), эта предельно выжищая изгоев американского общества — хилпы, ненависть, воплощаемая в преступном шерифе и его добровольных подручных Хэмма и Биннингге (Г. Наточий и

возвышенно прекрасной поэтичностью жизни ее отцу, сожженному нуклуксидановцами вместе со сказочно прекрасным виноградарем за то, что он осмелился угощать негра, и стоило жизни самой Лейди вместе с неродившимся ребенком в финале пьесы.

Ужасы судьбы Лейди, лишь перед смертью унаваляя, что ее муж — убийца ее отца, и ее возлюбленного Вэла, на которого влнхжающий Джейб навравляет свою банду в белые балахонах. Трагична судьба Ви Толбот (Е. Шалагмина), чей разум угас в неистовых религиозных вниданиях, рожденной той же человеческой тоской по прекрасному. Ничего хорошего не сулит и Кэррол Катрив ее вызывающее злобу городка поведение. Орфею не удалось спасти свою Эвридику, низ ала, но в время ала сочтеню. Символом этой веры драматурга и театра в гибель социального зла, охватившего Америку, предстает дело пятнадцатилет жизни Лейди — сияющий, как храм новый зал маятаина, ее зал, с колоннами, увенчанными виноградинами

родьями, этой памятью об отце и Сикстинской мадонной, возносящей к облакам младенца... Спектаклем «Орфей спускается в ад» Курский театр дает идеологический бой вашигтонским «защитникам» «прав человека», якобы нарушаемых в мире социализма, а на деле затыкающим рты честным лю-